Анатолий Нестер
Времена д

Анатолий Нестеров

Времена души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17853735
ISBN 9785447460518

Аннотация

В новой книге Анатолия Нестерова «Времена души» любители поэзии познакомятся с избранными стихотворениями поэта. Его лирика – это попытка осмыслить нынешний быстро бегущий день, почувствовать ценность каждой прожитой минуты: Я думал кстати и некстати, что вечен мир. Он – без конца! …За всё, за всё мы в жизни платим. А годы капают с лица. Также здесь опубликованы интересные воспоминания автора о встречах с известными поэтами: Б. Слуцким, А. Жигулиным, А. Прасоловым.

Содержание

Что такое поэзия? 8
«Кому мы нужны в эти годы?» 9
«Поставьте всё на карту…» 10
«Мчат года неумолимо…» 11
«Сколько не допетых в жизни песен…» 12
«Под музыку дождя и листопада…» 13
Сирень 14
«Мои друзья ушли туда…» 15
«Музыка весенняя берёз…» 16
«Сегодня небо голубое…» 17
«Ушёл в природу с головой…» 18
«О наивность простая…» 19
«Не надо прошлое хулить…» 20
«Этой жизнью и нежной, и грубой…» 21
«Как птицы в клетках…» 22
Спор 23
«Почему возвышены мечты?» 24
«Дни бурной юности стихали…» 25
«Восхитительно свистели…» 26
«О лепет листвы…» 27
«Куда уводит эта речка…» 28
«Когда мы в детстве шли…» 29
«В серых сумерках сеется снег…» 30
Зимняя ночь 31
В горах 32
«Забрался к чёрту на кулички…» 33
«А всё же горы синие…» 34
«Годы юности смыло…» 35
«Годы, годы…» 36
«Я чувствую всегда вину…» 37
«Доживаю последние дни…» 38
«На север, на север, на север…» 39
«Блажен, кто верует в бессмертье —…» 40
Одиночество 41
«Я не хочу жить по привычке…» 42
«Шел ночью дождик в декабре…» 43
«От прошлого мне никуда не деться…» 44
«При встречах он твердит одно…» 45
Ночное кладбище 46
«И внезапно море ошалело…» 47
«Прошедшей жизни юный бред…» 48
«То, что было-…» 49
«Неуютно в лесу и прохладно…» 50
«Может, ветер летучий…» 51
«Остаётся несказанным много…» 52
«Умерли вчерашние желанья…» 53

«Вот и всё!» 54
«И покуда память не остыла…» 55
Радость 56
«Хлопнул дверью…» 57
Кукушка 58
«Та прошлая жизнь улетела…» 59
Уста августа 60
«Совсем не золото молчанье…» 61
«Дерево пахнет свободой…» 62
«А за окном опять гроза…» 63
Свадьба 64
«Как мне хочется всё бросить…» 65
«Мечтают друзья, чтоб влюбился…» 66
«Меняются года, надежды, вехи…» 67
«Аллергия на осень…» 68
«Правдивы только зеркала…» 69
«Не стоит врагов наживать…» 70
«Вы знаете…» 71
«Взбаламученных листьев лёт…» 72
«Сколько раз дорогой прощальной…» 73
Январь 74
«Я иду, весьма небритый…» 75
Во время дождя 76
«Как хочется отвлечься от сомнений…» 77
Листья летят 78
«Как не хватает женских рук…» 79
«Вот «коньки» отброшу…» 80
«Счастье приходит внезапно…» 81
«Под пасху в церковь шли старухи…» 82
«Не хочет сдаваться зима…» 83
«В эту зиму тепла не дождёмся…» 84
«Когда звёзды веселятся…» 85
«Что от прошлой жизни осталось?» 86
«Дни, словно птицы, вдаль летят…» 87
Начало формы 88
«Небольшое село Колодезное…» 89
«Нам бы осень с тобой пережить…» 90
«Вино вины разлей —…» 91
«По дорогам по скользким…» 92
Памяти поэта Евгения Шлионского 93
«Что-то снятся кошмарные сны…» 94
«А мне казалось: я бессмертен!» 95
Ссора 96
I 96
2 97
«Я опять в этот город приехал…» 98
«Ах, вино взбодрило кровь…» 99
«Опостылело чувство стадности…» 100
«Ни любви, ни богатства, ни славы…» 101

«В эту ночь играла скрипка…» 102
«И закружилось, завертелось…» 103
«Год активного солнца —…» 104
«Что же шепчут нам метели?» 105
«В больнице тишины…» 106
«За рассветами —…» 107
«Не дорос я до войны —…» 108
«В эту зиму очень много…» 109
«Хочу я перед дальнею дорогой…» 110
«Доволен я своей судьбою…» 111
«Ещё день один буднично прожит…» 112
«Был горный воздух юн, целебен…» 113
«Предел возможностей, желаний…» 114
«В электричке – в сплошной кутерьме…» 115
«Мне снится альма-матер – ВГУ…» 116
«Декабрь лютует!» 117
Белый танец 118
Лошади 119
«Года, минутами шурша…» 120
«Я постарел на три разлуки…» 121
«Осенние ветры подули…» 122
«Мы все у времени в долгу…» 123
«Снег юности кружился надо мной…» 124
«Мальчик примеряет шляпу отца…» 125
«Ещё на правой обручальное кольцо…» 126
Истина 127
«Я больше сюда ни за что не вернусь…» 128
Лодка 129
«Капли времени – секунды…» 130
«Идут по жизни Квазимодо…» 131
«О, как же мечтал он смыться…» 132
«В январе во всю морозы…» 133
«Благодарю…» 134
«…И в плен лукавыми глазами взят я…» 135
«Какой счастливый год —…» 136
«Огни новогодние тают…» 137
«Настырные всплески сирени…» 138
«Исконно русские стихи-…» 139
«После обеда…» 140
«Бьются волны дни и ночью…» 141
«O tempora, o mores!» 142
«Мне дождь приятнее, чем ты…» 143
«На излёте последней надежды…» 144
«Не надо, не плачь. Ведь над нами…» 145
«Ночь —…» 146
«Горите мои тетради…» 147
«Опять идут дожди косые…» 148
«Тридцать три… пора распять…» 149
«Воспоминаний суета…» 150

Я, ты, они… 151
«Догорает осень…» 152
«Не хочу…» 153
«Таинственны книги и ценны…» 154
«Что в этой жизни остаётся?» 155
«Вот сейчас опустят гроб…» 156
«На зеленой тихой станции…» 157
«Над сыном мать проводит ночи…» 158
Конец ознакомительного фрагмента. 159

Времена души
Анатолий Нестеров

© Анатолий Нестеров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что такое поэзия?

Может быть, поэзия – это щебетание птиц? Или осенний лес, который печально шелестит, нехотя стряхивая с деревьев измученные летней жарой листья? А может быть, неизвестное небесное явление, именуемое НЛО, – это тоже будущая поэзия?

Поэзия не может быть ни прошлой, ни будущей. Она всегда – настоящая, стоящая рядом с нами во все времена.

«Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам бог любимой быть другим» (Александр Пушкин), «Прощай, немытая Россия, Страна рабов, страна господ…» (Михаил Лермонтов), «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?» (Александр Блок), «Друзья! Друзья! Какой раскол в стране…» (Сергей Есенин) и «Со всех сторон нагрянули они, Иных времён татары и монголы. Они несут на флагах чёрный крест, Они крестами небо закрестили, И не леса мне видятся окрест, А лес крестов в окрестностях России». (Николай Рубцов).

Разве это поэзия не сегодняшнего дня?

Чем больше я живу на свете, тем труднее мне ответить даже самому себе: «Что такое вдохновение?»

Возможно, это какой-то сбой, случайный всплеск ненормальности в мозгах. Я совершенно точно знаю, что без него хорошие стихи не могут лечь на лист бумаги. Поэтому трижды прав Борис Пастернак: «И чем случайней, тем вернее стихи слагаются навзрыд».

Лично для меня любимыми стихами может быть и одна строчка, которая своей афористичностью, неожиданным поворотом мысли, неповторимой метафорой радостно ранила сердце.

Ведь в памяти людей можно остаться и одной строкой. Как, например, Иван Мятлев: «Как хороши, как свежи были розы».

А ещё мне близко то, что когда-то сказал Велимир Хлебников: «Стихи – это всё равно что путешествие, нужно быть там, где до сих пор ещё никто не был».

С каждым годом, с каждым веком это сделать всё труднее: путешественников больше, чем неизведанных мест. Но новизна мысли, оригинальные сравнения, искренняя музыка чувств преодолевают этот барьер.

«Кому мы нужны в эти годы?»

Кому мы нужны в эти годы?
Мы только друг другу нужны.
И наши давно пароходы
уплыли под стоны волны.

И те поезда, что нас мчали,
теперь их не можем найти.
Давно износились, устали,
стоят на ненужном пути.

Надеждам ушедшим, в угоду,
я ночью, порой иногда,
всё слышу: гудят пароходы
и наши свистят поезда.

«Поставьте всё на карту…»

Поставьте всё на карту,
пока не бита карта,
покуда жизнь щенком
барахтается в речке,
пока вы состоите
из всплеска и азарта,
пока живёте вы
на этом свете вечно.

Поставьте всё на карту,
пока ещё не поздно,
покуда тайны и мечты
живут, не тают.
Серебряные песни
невидимые звёзды
пока ещё для вас
неслышно напевают.

Пока вы состоите
из бури и азарта,
покуда жизнь щенком
барахтается в речке,
поставьте всё на карту,
пока не бита карта,
пока ещё прекрасны
мгновение и вечность.

«Мчат года неумолимо…»

Мчат года неумолимо,
нам напоминая вновь:
всё проходит… неделимы
жизнь, надежда и любовь.

Догорают в хороводе
листья октября.
Всё проходит, всё проходит,
всё проходит для тебя.

Не проходит только мимо
о годах ушедших боль.
Всё проходит… неделимы
жизнь, надежда и любовь.

Первый снег и в небе солнце,
и года, и дни, и миг
всё на свете остаётся,
остаётся для других.

Остаётся, слава Богу!
И к другим вернутся вновь
и печали, и тревоги,
жизнь, надежда и любовь.

«Сколько не допетых в жизни песен…»

Сколько не допетых в жизни песен,
дней сгоревших, улетевших вдаль.
Как пиджак, который стал вдруг тесен,
я отбросил мнимую печаль.

Хватит мне печали настоящей,
хватит дней осенних, чтоб понять:
Всё равно бессмертны птицы в чащах,
жизнь прекрасна – даже без меня!

И когда грохочут летом грозы,
я беды от них совсем не жду.
Знаю я, что счастливы берёзы,
устремляясь листьями к дождю.

Знаю я: в нелёгком мире этом
счастье чередуется с бедой.
Жизнь – как бег во время эстафеты,
и у каждого отрезок свой.

«Под музыку дождя и листопада…»

Под музыку дождя и листопада
волнуют годы прожитые, дни.
Не возвращайтесь в прошлое…
Не надо!
Там пепел и потухшие огни.

Там будут мучить вечные сомненья,
тяжёлое предчувствие утрат.
И если жизнь одно мгновенье —
не стоит взор свой устремлять назад.

Сирень

Сирень гналась за поездом,
подпрыгивая и смеясь…
Так жертвенно, так боязно
за поездом гналась.

Сирень меня преследует,
кричит взахлёб мне синью вслед:
«Найду тебя по следу я,
тебе спасенья больше нет».

Но вот посадки кончились,
и маленькие, как шмели,
кусты сирени корчились
за поездом, за мной – вдали.

«Мои друзья ушли туда…»

Мои друзья ушли туда,
где тишина, и где покой,
и где дрожащая звезда
совсем не кажется звездой.

Там дни и годы не спешат,
бег времени давно забыт.
И только листья шелестят,
и только вечность говорит…

«Музыка весенняя берёз…»

Музыка весенняя берёз,
звонкая, зелёная, шальная,
за душу пронзительно берёт.
…Улетела юность озорная.

Я едва успел открыть окно
и едва сирень зашелестела,
как внезапно, дерзко, озорно
улетела юность. Улетела,

может быть, в кочующую даль,
вдаль, с тревожным именем «Утрата».
Ну и пусть! Нисколько мне не жаль,
что навечно канули куда-то

самые безумные года,
самые счастливые минуты,
самые – со свистом – поезда,
самые – с надеждами – маршруты.

В грохоте лукавых майских гроз
раздаётся, громы заглушая,
музыка весенняя берёз,
звонкая, зелёная, шальная.

«Сегодня небо голубое…»

Сегодня небо голубое,
как двести лет тому назад…
Оно такое же, такое,
и золотится вновь закат.

И кажется в лесу порою,
что время замедляет бег.
Всё тоже небо голубое,
всё тот же дождь, и тот же снег.

И сосен сонные макушки
мне шлют привет из прошлых лет.
Гусары пьют, гуляет Пушкин…
Дантес готовит пистолет…

«Ушёл в природу с головой…»

Ушёл в природу с головой,
насквозь пропитан летом.
Я прохожу сегодня лесом
неотразимо молодой.

О, как сюда меня влекло!
Я редкий гость, ступаю робко.
Здесь так таинственно, природно,
легко, надёжно и светло.

Шаги – мои!
Мечты – мои!
Вдали от городского шума,
вдали от смеха и от шуток —
как будто от себя вдали.

С любовью тянутся ко мне
деревья, вырвавшись из плена.
Но всё прекрасное —
мгновенно!
Во всём блуждающий конец.

И, звёздным небом осеняя,
придёт внезапно исцеленье,
и будет грустным возвращенье
в такого дальнего себя.

«О наивность простая…»

О наивность простая:
все мечты-
иллюзии быта!
Это часто
о небе мечтают,
когда крылья
к земле прибиты.
Разве можно
вздохнуть облегчённо,
если звёзды
берёшь на поруки,
если бродишь,
навек обречённый
на стихи,
на любовь,
на разлуки…

«Не надо прошлое хулить…»

Не надо прошлое хулить:
в нём были радости, удачи,
надежды…
Всё переиначить
нельзя.
И нам их не забыть.

Не надо прошлое жалеть:
в нём были боли и утраты,
печали, каверзные даты —
их не забыть, их не стереть!

Сумело прошлое прошить
и снова растревожить память.
…Да, что-то было между нами,
порою трудно с этим жить.

«Этой жизнью и нежной, и грубой…»

Этой жизнью и нежной, и грубой
из седла я не выбит пока,
будут тайной любимые губы,
будет тайной любимой рука.

И пока я живу, не растаял
и ещё кувыркаюсь в годах,
для меня ты единственной тайной,
неразгаданной будешь всегда.

«Как птицы в клетках…»

Как птицы в клетках
бьются годы
в тревожной клетке века.
Сто равномерных бьются раз.
Тряхнёшь после дождя
(в слезах вся) —
ветку —
и капля, словно год
о-
бор-
ва-
лась.

Спор

Мы в спорах истину родили.
И вот явилась без прикрас.
Искали мы её, любили,
пока она не знала нас.

Сквозь папиросный дым,
устало
явилась,
застилая мир.
Нам истины так не хватало,
пока её не знали мы.

Теперь предстала в полной силе:
виднее мысль,
яснее вздор.
Зачем мы истину родили?
Куда приятнее был спор!..

«Почему возвышены мечты?»

Почему возвышены мечты?
Почему так жизнь моя прекрасна?
Потому, что всё ещё неясно,
а карманы радостно пусты.

Потому что, ласково грозя
и смеясь, с утра не умолкая,
льётся в удивлённые глаза
синева весёлая, живая.

«Дни бурной юности стихали…»

Дни бурной юности стихали
и становились на колени.
Не ставлю даты под стихами —
нет возраста у вдохновений.

В настырной юности, кричащей
не думал я, что вдруг, когда-то
придёт любовь…
У настоящей
любви нет возраста и даты.

«Восхитительно свистели…»

Восхитительно свистели
на рассвете соловьи.
Койки шаткие скрипели —
это музыка любви.

Это шёпот, дуновенье
самых радостных ночей.
…В жизни есть всегда мгновенье,
что дороже жизни всей.

«О лепет листвы…»

О лепет листвы
лебединого лета,
где льются мелодии-
только лови!
Где сердце любовью
нежданно согрето,
где сердце дрожит
от надменной любви!
Я всё растерял по летам
тёплым летом,
а счастье чужое
лови – не лови!
Чужою любовью
не будешь согретым,
и горько бежишь
от соседней любви.
Когда – то прольётся
последнее лето,
когда же прольётся-
не стоит ловить
любовь, от которой не будешь
согретым,
любовь, от которой не будет
любви!

«Куда уводит эта речка…»

Куда уводит эта речка
тебя, меня, скажи – куда?
О, как пронзительно и вечно
журчит по камешкам вода.

Следим с тобою за теченьем…
(Века следят… А мы – не в счёт.)
Всё в неизменном направленье
река упрямая течёт.

Почёта, славы ей не надо,
ей даль особая видна.
Любые на пути преграды
собьёт упругая волна.

И вьётся лента голубая —
Река течёт. Ей вечно жить.
Я наклонюсь к реке губами,
чтоб капли вечности испить.

«Когда мы в детстве шли…»

Когда мы в детстве шли
«стена на стену»,
забыв о страхе,
не жалея сил,
Степан Воронин —
верный сын измены —
дворами прочь
от драки уходил.
Я не совру, клянусь,
как перед богом,
когда мелькали наши кулаки,
Степан Воронин —
боком, боком, боком,
законам дружбы детской вопреки.
Промчалось детство.
Время пролетело.
Всё вспоминать
особых нет причин.
И не моё сейчас, конечно, дело,
что стал Степан Воронин
важный чин.
И это, впрочем,
не моя забота,
что он в почёте
и в расцвете сил.
Но всё же, всё же, это он —
не кто-то-
дворами прочь
трусливо уходил.

«В серых сумерках сеется снег…»

В серых сумерках сеется снег,
превращается в капли росы.
И любовь, и мечта, и успех —
это только минуты, часы.

Тот, кто смысл этой жизни постиг,
никуда уж давно не спешит…
Ни богатство, ни почестей миг
ничего не дают для души.

Зимняя ночь

Уже утраты и потери
Ко мне приходят по ночам.
Ещё скрипят с надеждой двери:
Открыть. Шагнуть. Бежать. Начать.

Уже за прожитые годы
сомненья по ночам берут.
Ещё предчувствие свободы
и счастья будит поутру.

И длится ночь зимой, и длится…
Старея, юный снег кружит.
И кажется, когда не спится,
что эта ночь длинней, чем жизнь.

В горах

На рысаках по жизни рыскать…
Не лучше ль на своих двоих?
И чтобы дверь в обитель риска
Ногой небрежно отворить.

И чтоб, как высшее блаженство,
чуть веселя, бросая в дрожь,
принять, как радость совершенства —
над пастью пропасти идёшь.

«Забрался к чёрту на кулички…»

Забрался к чёрту на кулички…
И здесь на этой высоте,
всё по-иному, непривычно…
Зато какой простор мечте!

Мир подо мною обезличен.
Здесь птицы изредка поют,
и одиночество с величьем
покоя сердцу не дают.

«А всё же горы синие…»

А всё же горы синие,
а всё же небо белое…
И мы, не очень сильные,
Вверх лезем оробело.

Под нашими ногами
рискованность звенит…
Несутся в пропасть камни,
как прожитые дни.

«Годы юности смыло…»

Годы юности смыло
набежавшей волной.
Кто искал в жизни смысла,
ищут в жизни покой.
Строят планы и дачи,
понадёжнее дверь.
Что им жизни задачи?
Всё известно теперь…

Годы старости брезжат,
а укрыться нельзя.
И всё реже, всё реже
навещают друзья.
Жизнь! Спасибо за счастье —
небо, дождик и снег!
И всё чаще, всё чаще
юность видим во сне…

В это ж самое время
кто-то юный спешит
с неизвестными всеми
уравненье решить.
Как он жаждет ответа!
Как решения ждёт!
Ему кажется: вечно
на земле он живёт.

«Годы, годы…»

Годы, годы,
куда вы, куда вы?
Вот и канула юность уже
в пожелтевшие осенью травы…
Но нисколько не грустно душе.

Листья, листья,
куда вы, куда вы?
Вот кончается осень уже
и деревья, как будто удавы,
и пустынно, тоскливо в душе.

Там, где рыщут ветра по лощинам,
там, где сходится с небом земля,
расплескав свои иней – седины,
вместо солнца восходит зима.

«Я чувствую всегда вину…»

Я чувствую всегда вину,
когда друзья уходят раньше…
Как будто предал их в плену,
как будто обманул на марше.

На марше жизни все равны,
бессильны мы перед судьбою.
…И в этом нет моей вины,
но сердце… сердцу нет покоя.

«Доживаю последние дни…»

Доживаю последние дни
этой серой промозглой осени.
Журавлей улетающих нить
в тёмном небе маячит проседью.

Вот последний дождик прошёл,
канет он в безвозвратное прошлое.
На душе у меня хорошо,
словно мною полжизни не прожито.

Словно не было в жизни утрат,
словно не было в жизни печалей,
словно с завтрашнего утра
начинается жизнь сначала.

«На север, на север, на север…»

На север, на север, на север
умчаться… Из дома рвануть
на сейнер, на сейнер, на сейнер,
чтоб в путь, только в путь, только – путь!

Чтоб море, бушуя, качало,
а счастье как ветер в груди.
Чтоб всё начиналось сначала,
хотя это всё позади.

Ударит солёной волною,
пошлёт поцелуи вода…
А там вдалеке, за кормою
летят, словно птицы, года.

«Блажен, кто верует в бессмертье —…»

Блажен, кто верует в бессмертье —
светла и радостна дорога.
И атеизму вдруг на смену
пришла открыто вера в Бога.

Устои рухнули и разом
всё перепуталось в сознанье.
Душа тревожная и разум
найти не могут пониманья.

И потому бессонной ночью,
когда от ветра стонут двери,
хочу я верить очень-очень
и не могу я очень верить.

Одиночество

Одиночество в природе,
одиночество в крови,
одиночество в свободе,
одиночество в любви.
Одиночество в разлуке,
одиночество – в лицо!
Одиночество, как руки,
крепко сжатые в кольцо.
Одиночество при встрече,
одиночество в тоске.
Одиночество —
навечно!
Разделить нельзя ни с кем.

«Я не хочу жить по привычке…»

Я не хочу жить по привычке,
когда вместо горенья – дым.
Что наша жизнь? Лишь тленье спички!
И мы над искрами дрожим.

И в этой мимолётной дрожи,
где смерть настырна и нагла,
мы всё же не понять не можем,
что жизни суть всегда светла.

«Шел ночью дождик в декабре…»

Шел ночью дождик в декабре,
верней, не дождик – ливень.
И птицы пели на заре
в провинциальных Ливнах.

И было трудно увязать —
совмещены в мгновенье:
твои далёкие глаза,
декабрь, ливень, пенье.

«От прошлого мне никуда не деться…»

От прошлого мне никуда не деться,
бежит за мной по следу, как лыжня.
И хочется вернуться снова в детство,
где ждёт речушка синяя меня.

Стремительно несутся её воды:
сквозь дни мои, сквозь радости и грусть.
Не посмотрю, что за плечами годы, —
я к ней на берег босиком примчусь.

И будет встреча радостной и милой-
о, сколько лет над нами пронеслось!
Мы вспомним детство, юность, всё, что было
и промолчим о том, что не сбылось.

«При встречах он твердит одно…»

При встречах он твердит одно,
упрямой мыслию влекомый:
«Всё будет так, как быть должно,
хоть даже будет по-другому».

Ему и ветер вторит в такт,
ему подмигивают звёзды:
«Всё будет так!
Всё будет так!
Не рано будет и не поздно».

Он шепчет, глядя озорно,
деревьям, небу голубому:
«Всё будет так, как быть должно,
хоть даже будет по-другому».

Ночное кладбище

Тишина…
Тишина жуткая,
вечная.
Слышится мяуканье протяжное.
И кресты,

как руки человеческие —
когда в сторону протянуты.
И могилы —
каждая —
комната…
Всё закономерно,
буднично.
Я пришёл ночью познакомиться,
я пришёл
в своё будущее.
Уплывают звёзды…
Плывут ночами
в непонятное,
далёкое,
счастливое…
Что же моё будущее
печальное,
что же моё будущее
молчаливое?

А за кладбищем —
троллейбусы,
трамваи,
жизнь звенящая,
провода поющие.
Я не выдержал:
рванулся,
убегаю,
убегаю
из своего будущего.
Дождь стучит,
как пальцы по клавишам,
дождь – в глаза,
ничего не вижу.
И чем дальше
остаётся кладбище,
тем я ближе к нему и ближе.

«И внезапно море ошалело…»

И внезапно море ошалело,
и взметнулись волны, как ножи,
и мою лодчонку завертело,
и пронзила мысль меня: «Не жить!»

Вечное желанье в нас откуда —
лихо удаляться от земли?
Берег виделся вдали, как чудо.
Слава Богу, чудо есть вдали.

Первый раз земли мне не хватало,
в первый раз я ощутил тогда,
как за горло волнами хватала
злая, озверевшая вода.

Я молил: «Ну что ты, море! Что ты!
Надо мне до берега доплыть».
…Я ещё не свел с мечтами счёты,
чтоб из этой жизни уходить.

«Прошедшей жизни юный бред…»

Прошедшей жизни юный бред
настырно ломится в итоги,
чтоб в суматохе бывших лет
уйти от новой суматохи.

И вот пера последний взмах!
Царапаешь для утешенья.
– А что на улице?
– Зима!
– А что в почете?
– Вдохновенье!

Прощальный прозвучит аккорд.
Чужая песня снова брызнет.
…А я вчера своей рукой
стёр смысл и боль, и радость жизни.

«То, что было-…»

То, что было-
отмечталось!
Отмечталось
и забылось.
Но не всё,
что не сбывалось,
отдалилось,
отлюбилось.
То, что есть,
как в клетке птица,
бьётся в радостной надежде,
чтобы вырваться,
пробиться,
сбросив лишние одежды.
…Юность дерзким поцелуем
по ночам порою будит.
И слегка теперь волнует,
то, что будет,
то, что будет.

«Неуютно в лесу и прохладно…»

Неуютно в лесу и прохладно,
но прекрасная всё же пора:
золотисто, легко, листопадно,
догорают дотла вечера.

Скоро зайцы заменят одежды,
а пока – и не зелень, не – снег.
Догорают ещё и надежды,
у надежд слишком короток век.

Сквозь деревья я вижу дорогу,
хаты близкие дальних сёл.
И шепчу я, шепчу: «Слава Богу,
что сбывается в жизни не всё».

Что ещё остаются заботы,
ощущенье потерь и утрат,
что приходит всегда вслед за болью
самых добрых свершений пора.

«Может, ветер летучий…»

Может, ветер летучий
набежит и разгонит…
И тогда эти тучи
полетят, словно кони.

Полетят ошалело,
не вернутся обратно.
Пустяковое дело,
но светло и приятно.

Станет радостней, лучше…
Что стряслось в самом деле?
Ничего! Просто тучи
быстро вдаль улетели.

И от этого факта
не уйти, как от песни.
Удивительно как-то
стала жизнь интересней.

«Остаётся несказанным много…»

Остаётся несказанным много,
слишком быстро проносится жизнь.
А в начале – одна лишь дорога
без конца… без печали и лжи.

Юность прожита так бестолково:
в глупых спорах, в наивности слов.
И совсем не за каждое слово
я сегодня ответить готов.

И поэтому мне в назиданье,
что растратил я годы, спеша:
…Между словом и гордым молчаньем
неразумная бродит душа.

«Умерли вчерашние желанья…»

Умерли вчерашние желанья,
предали вчерашние друзья.
И в плену наивных ожиданий
оставаться больше мне нельзя.

Затерялись в прошлом наши споры.
Кто из нас подумать мог тогда,
что промчится жизнь, как поезд скорый,
что обманут лучшие года.

Дни бегут… и финиш неминуем.
Радует снежинок кутерьма.
Первым снегом, словно поцелуем,
землю растревожила зима.

Торопливо снег летит на город,
весело танцуя на окне.
Неуютно прожитые годы
встрепенулись заново во мне.

«Вот и всё!»

Вот и всё!
И нет меня на свете.
Жил. Мечтал. Творил.
Забыт…
Сквозь редеющие ветви
солнце вечное блестит.
Вот и всё!
Глаза я открываю,
просыпаюсь,
чтоб встречать зарю.
Я о смерти ничего е знаю,
я на небо вечное смотрю.

«И покуда память не остыла…»

И покуда память не остыла,
и покуда теплится мечта,
можно вспомнить всё, что в жизни было,
и расставить по своим местам.

В прошлое однажды возвратиться
и пройтись по улочкам души.
Только память раненою птицей
не упала б навзничь в камыши.

Радость

Какое прекрасное утро!
Какое блаженство минут!
И как восхитительно утки
сегодня впервые поют.

Готов их без устали слушать…
О, радость осенняя дней.
Какие прозрачные лужи,
хоть воду из луж этих пей!

Какие высокие сосны
сегодня на этой земле!
Какое веселое солнце —
впервые за тысячу лет.

И ты, к этой жизни причастный,
не раз проклинавший её,
узнаешь, что ветер о счастье
и только о счастье поёт.

«Хлопнул дверью…»

Хлопнул дверью.
Заплакала дочь.
Тишина пополам раскололась.
Лил солёный на улице дождь,
и сквозь дождик догнал его голос:

– Ты уходишь? Надолго? Куда?
Я не верю! Не верю! Не верю!
Усмехнулся в ответ:
– Не беда!
Не волнуйся, вернусь в этом веке.

Хлопнул дверью —
и с прошлым порвал.
Позабылись и радость, и горесть.
Но покоя весь век не давал
тот, его догоняющий, голос.

Кукушка

Накукуй мне столько счастья,
накукуй мне столько дней,
чтобы в горе и ненастье
верил «истине» твоей.

Если честно, я ведь знаю:
кукование – враньё.
Мне надежды не хватает,
верю в лживое твоё.

И кому какое дело,
что отдашь, а что возьмёшь.
Просто сердце захотело
в этот миг поверить в ложь.

«Та прошлая жизнь улетела…»

Та прошлая жизнь улетела,
распалась, куда-то ушла…
Чего-то иного хотела,
к другому стремилась душа.

Я жил! Жил весёлый и юный,
не зная, что значит покой.
Звенели от зноя июни,
и звёзды я трогал рукой.

Совсем я не думал о счастье,
не знал об изменах и лжи.
И жил без любви настоящей,
представьте, прекрасно я жил.

Плевал на чужие победы,
своим было тесно в груди…
Но я одного лишь не ведал,
что всё впереди, впереди…

Уста августа

Уста августа
чуть прохладные,
пахнут рыжиками и яблоками.
То ль по Волге,
а то ль по Ладоге,
то ль на лодке,
то ли на ялике —
прикоснуться к воде августовской,
к пролетевшему летнему свету.
Породниться с душой августовской,
в душе августа —
опыт лета.
В душе августа
осень пульсирует,
и деревья вот-вот
листья сбросят…
Как не хочется кататьпутироваться
Мне из августа —
в осень!

«Совсем не золото молчанье…»

Совсем не золото молчанье.
Как говорить себя заставить,
когда с бессмысленным отчаяньем
не в силах в строчки переплавить
свои надежды и тревоги?
Без грусти и без крика вроде,
по неизведанной дороге
моё —
несказанным уходит.
Я вслед пытался —
из гортани
летело непонятно,
дерзко.
Что ранее звалось словами,
теперь —
всего лишь лепет детский.
За что такая кара?
Снова
молчу и днями, и ночами,
и не могу найти я слово,
чтоб заглушить свое молчанье.

«Дерево пахнет свободой…»

Дерево пахнет свободой,
особенно это заметно,
когда свою крону наводит
на звёзды, глядящие бледно.

А звёзды,
когда ночами
одна тишина —
ни звука!
Пахнут немного печалью
и почему-то разлукой.

«А за окном опять гроза…»

А за окном опять гроза,
деревья радостно намокли.
И гром, раскатами грозя,
стучится прямо в окна.

Темно на улице… Темно.
Мурлычет что-то дождь. Не спится.
Стучится гром в моё окно,
никто другой не постучится.

Свадьба

Мы шумной свадьбы не играли,
не баловала жизнь рублём.
В провинциальном ресторане
её отметили вдвоём.

И под салат дрянной «столичный»
я пил дешёвое вино.
И было как-то непривычно
назвать тебя своей женой.

Оркестр размеренно пиликал,
и люди таяли в дыму,
И было что-то в наших ликах,
но только что – я не пойму.

По ним скользила отчужденность,
когда всё знаешь наизусть.
Была неловкость, принужденность,
совсем не свадебная грусть.

И вместе с тем светилось счастье,
как за окном вечерний снег.
…Промчались годы. Вижу часто
я свадьбы русские во сне.

Я сам – жених, весёлый, бойкий,
гармонь ревёт, аж нету сил.
Несется свадебная тройка,
и пляшут, пляшут на Руси.

«Как мне хочется всё бросить…»

Как мне хочется всё бросить
и уехать далеко!..
Там, где щедрые берёзы
расплескали молоко,
там, где разговоры птичьи
нашим спорам не чета,
леса тайное величье,
даль хрустальна и чиста,
там, где время мчится скрытно,
пряча бег волшебный свой,
где сильней любого крика
в перепонки – тишиной,
где от зелени до сини

обретений виден свет,
где печали нет в помине,
где и смерти даже нет,
я почувствую в осеннем,
в зимнем, в летнем – всё равно,
чудотворное спасенье,
что на время нам дано.

«Мечтают друзья, чтоб влюбился…»

Мечтают друзья, чтоб влюбился.
Мечтают враги, чтобы спился.
Но поздно, теперь не влюблюсь,
теперь ни за что не сопьюсь.

Рассветы мои не женаты,
стаканы хрустально чисты.
Мечты, что сбылись – нежеланны.
Да здравствуют снова мечты!

А время, как коршун над полем,
застыло тревожно в тиши.
Кто жизни на земле этой понял,
тот, право, уже не спешит.

«Меняются года, надежды, вехи…»

Меняются года, надежды, вехи…
Подмостки те же, тот же гул.
В объятья нынешнего века
двадцатый век меня швырнул.

Он был неистов, неразборчив
среди побед, среди пробел.
Его непостоянный почерк
остался и в моей судьбе.

Я мимоходом здесь и пусть я
в том веке – часть его вины.
Расплата неизбежна: с грустью
смотрю на будущие дни.

«Аллергия на осень…»

Аллергия на осень…
Все куда-то спешат.
И листву свою сбросил,
не стесняясь, наш сад.

В небе грустно-осеннем
вдруг сверкнёт яркий свет,
словно в дни потрясений
бывшей радости след.

Он внезапен вначале,
как из прошлого весть.
Всё же в каждой печали
что-то светлое есть.

«Правдивы только зеркала…»

Правдивы только зеркала…
Они не льстят, не унижают,
они бесстрастно отражают
и чувства наши, и дела.

Твой взгляд, из зеркала маня,
коснулся трепетно, чтоб снова
я ощутил-
из времени иного-
с надеждой смотришь на меня.

В том времени, где ты была,
мне недоступен мир зеркальный
такой чужой, холодный, дальний.
…Правдивы только зеркала.

«Не стоит врагов наживать…»

Не стоит врагов наживать,
когда наши дни быстротечны.
Небесная синь и трава,
улыбка любимой – не вечны!

Становишься в жизни мудрей
и вдруг понимаешь, о боже,
всё меньше и меньше друзей,
врагов же всё больше и больше.

«Вы знаете…»

Вы знаете,
когда приходит
старость?
Вы знаете,
когда берёт в плен
обречённость?
Я знаю!
Вот уже последние
три года живу
без грёз и в небе
звёзд не замечаю…

«Взбаламученных листьев лёт…»

Взбаламученных листьев лёт,
и осенняя грусть ожиданья…
Только чудится сквозь шуршанье:
Час пробьёт!

В суете повседневных забот,
заглушив все земные печали,
вдруг пронзительно и отчаянно
Час пробьёт!

Безразличен звезды полёт,
когда руки – за ворот рубашки,
когда самый последний, тяжкий
Час пробьёт!

Как прекрасно, что жизнь идёт,
что и солнечно, и ненастно.
Сожаленья смешны. Прекрасно:
Час пробьёт!

«Сколько раз дорогой прощальной…»

Сколько раз дорогой прощальной
уходил и совсем не знал:
на меня тревожно, печально
смотрит женщина из окна.

Как ей смотрится тёмной ночью?
Почему она так грустна?
Ухожу, а мне в спину молча
смотрит женщина из окна.

И меня, словно в море, смоет
набежавших людей волна.
Но мне чудится, хоть не смотрит, —
смотрит женщина из окна.

Я в чужих городах терялся,
и прошедшему – грош-цена.
Вспоминал, иногда смеялся-
смотрит женщина из окна.

Сквозь удачи и сквозь потери,
сквозь судьбу, что так неясна,
всё по-прежнему, в это верю, —
смотрит женщина из окна.

И боится, что к ней случайно
не вернусь. В тревоге она.
И поэтому всё печальней
смотрит женщина из окна!

Январь

Январь суровый на исходе,
вот скоро вкатится февраль.
И неприкаянно в нас бродит
томительное слово «жаль».

Нам январи напоминали:
смотри вперёд, а не назад.
Мы первый месяц разменяли,
и остальные пролетят.

Перетасую все потери…
Но неотступно снится мне:
мы встретились…
Ты слышишь?
Двери
скрипят в грядущем январе.

«Я иду, весьма небритый…»

Я иду, весьма небритый,
если б было, да кабы…
Не врагами – жизнью битый,
я – не баловень судьбы.

Жизнь – стеклянка!
Жизнь— болтанка!
Кто виновен, не поймёшь,
что живешь, как наизнанку,
словно ты и не живёшь.

То ли время?
То ли люди?
Кто виновен, жизнь – игра?
Иль мороз, что нынче лютый?
Иль минувшая жара?

Или черти те, что нами
правят, прячась по кустам?
На чертей валить не надо,
может, ты виновен сам,

что идешь весьма небритый,
что вздыхаешь:
«Эх, кабы…»,
что наотмашь жизнью битый,
что не баловень судьбы?

Во время дождя

А за окном всё тот же дождь,
который лил когда-то,
смешав надежды, лица, даты…
Всё тот же дождь, всё тот же дождь.

Я помню, как он лил давно,
я даже помню капли эти.
Воспоминаниям на свете
бессмертно повторяться суждено.

Всё те же лужи… тот же зонт
вспорхнул, как прежде, надо мною.
А дождик шёл сплошной стеною,
закрыв от взора горизонт.

Он лил… пронизывала дрожь.
Хотелось затеряться в прошлом,
в том дне, что солнечно был прожит…
Но в прошлом дождь, и дождь, и дождь.

«Как хочется отвлечься от сомнений…»

Как хочется отвлечься от сомнений,
от мелочей, досадной суеты,
уйти туда, где поле и цветы,
и пенье птиц, и небосвод весенний.

И ощутить всю прелесть бытия,
и к вечности щекою прикоснуться,
и, словно от кошмара, вдруг очнуться,
поняв, что ошибались ты и я.

Как хочется проникнуть в суть вещей
и жизни смысл постигнуть сокровенный,
чтоб в полном единении с вселенной
служить тому, что есть всего важней!

И до сих пор счастливую звезду
пытаюсь отыскать я в мирозданье.
Но остаётся между тем в сознанье:
живу не так… И с этим я уйду.

Листья летят

И снова листья падают,
как сотни лет назад.
Как позывные радио,
они летят…
Летят
над сонною вселенною
немыслимой гурьбой,
над всякими антеннами
и над моей судьбой.
Над муками любимой,
над радостью детей,
над грустной Хиросимой…
Скорей!
Скорей!
Нас осень грустью красит.
просвечивая век,
сейчас горит не красный —
осенний жёлтый свет.
Прохожие, как ламы,
у них серьёзны лица.
…Как бабочки на лампу,
летят на осень листья.

«Как не хватает женских рук…»

Как не хватает женских рук
в минуты горестей, разлук.

Как не хватает их тогда,
когда преследует беда,

когда, как будто пёс шальной,
тоска несётся за тобой.

Как не хватает женских рук,
когда предаст внезапно друг,

когда однажды вдруг поймёшь:
под правдою скрывалась ложь.

Пронзит внезапно боль… И вдруг
мелькнёт: нельзя без женских рук.

Во все года, во все века
спасенье – женская рука.

«Вот «коньки» отброшу…»

Вот «коньки» отброшу,
кто-то будет рад.
Не всегда хорошим
был я.
Виноват!

Кто-то пожалеет,
может быть меня…
Алые аллеи
на закате дня.

Столько было счастья —
превратилось в дым.
Всё же в жизни чаще
был я неплохим.

Был я непонятным,
мучился, любил.
В общем, много пятен —
самым разным был…

«Счастье приходит внезапно…»

Счастье приходит внезапно,
даже когда закрыты
двери и окна
на все запоры.
Счастье —
гость неназойливый,
не любит засиживаться долго,
рассказывая
разные байки.
Счастье
нахлобучивает внезапно
шапку свою невидимку
и неожиданно пропадает…

«Под пасху в церковь шли старухи…»

Под пасху в церковь шли старухи…
Туман стелился вдоль реки.
Старух морщинистые руки
держали трудно узелки.

В тех узелках подарки Богу…
Смиренно люди шли и шли,
свой хлеб, печаль свою, тревогу
с молитвой Господу несли.

А там, где радостно сияли,
даря надежду купола,
подростки дерзкие смеялись,
роняя бранные слова.

Они свистели и кричали,
не признавая святость дня.
И становились всё печальней
старухи около меня.

А Бог молчал на все вопросы…
Но с верой думая о нём,
устало вытирала слёзы
старушка дряблым кулаком.

«Не хочет сдаваться зима…»

Не хочет сдаваться зима,
боится смертельной капели.
И сводит слегка нас с ума
упрямство капризной метели.

Как будто всё это во сне —
метели баюкают вечер.
И кажется мне, этот снег
навечно,
навечно,
навечно.

«В эту зиму тепла не дождёмся…»

В эту зиму тепла не дождёмся,
на ресницах – алмазами слёзы.
Мы с тобой не однажды вернёмся
в этот город и в эти морозы.

Дни – снежинки проносятся, тают,
но во сне появляются ночью.
Для меня перестало быть тайной:
чем счастливее жизнь, тем короче.

Благодарен и рощам, и чащам,
что врачуют порою и лечат.
И чем думаешь реже о счастье,
на душе тем спокойней и легче.

«Когда звёзды веселятся…»

Когда звёзды веселятся,
когда они счастливы —
звездопад!

А когда они грустят
в плену мимолётной печали —
на небе темно.

Когда мы с тобою счастливы,
никто этого не видит —
мы же не звёзды!

А когда мы грустим
в плену мимолётной печали —
на небе темно.

«Что от прошлой жизни осталось?»

Что от прошлой жизни осталось?
Пролетела, как будто день.
Нет обиды – лишь только усталость
и погасшей радости тень.

Вечер жизни стоит у порога,
безразлично пылает закат.
Но порой возникает тревога:
кто же в этом во всём виноват.

Жизнь короче, короче, короче…
И не стоит друг друга винить,
что счастливые ясные ночи
превратились в ненастные дни.

«Дни, словно птицы, вдаль летят…»

Дни, словно птицы, вдаль летят…
А в жизненном дыму угарном
я, как законченный лентяй,
их разбазаривал бездарно.

Всё было: грустно и смешно.
Не изменить судьбы, поверьте.
Играю в карты… Пью вино…
Наивно думаю – нет смерти.

Начало формы

Дом из брёвен нежилой.
Окна наглухо забиты.
Те, кто жил здесь, позабыты.
Так забудут нас с тобой.

Дом угрюмый, нежилой
и никто сюда не въехал.
Крикнул я – и только эхо
чьей-то юности былой.

Всё проходит чередой…
Но всегда, как в наказанье,
за удачи мстят страданья,
что отпущены судьбой.

«Небольшое село Колодезное…»

Небольшое село Колодезное
вырастает из детства снова.
Там мечтает журавль колодезный
в журавля превратиться живого.

По ночам, когда лай окаянный,
когда филин ухает грозно,
всё он шею свою деревянную
тянет в небо, навстречу звёздам.

«Нам бы осень с тобой пережить…»

Нам бы осень с тобой пережить,
а потом хоть снега, хоть метели.
Неудачи чуть-чуть перешить
и закончить, что мы не успели.

В неизвестную вечную даль
унеслись – возвращаться не надо-
моя первая в жизни печаль,
моя первая в жизни отрада.

Так устроен наш мир… И пора
дней серебряных бег подытожить:
всё хорошее было вчера,
а что будет, слегка нас тревожит.

«Вино вины разлей —…»

Вино вины разлей —
дрожь пробежит по телу.
За счастье прошлых дней
мне мстят теперь потери.

Пусть поздно, но постиг
я истину реалий:
у счастья только миг —
вся жизнь в плену печалей…

«По дорогам по скользким…»

По дорогам по скользким,
по дорогам крутым —
по дорогам по скольким! —
Жизнь свою я крутил.

Ветер злой и трёхъярусный
сёк меня, выжимал.
Но я снова, трёхъяростный
жизнелюб, выживал.

Били штормы и качки,
в щепки – лодка, весло.
Но я словно из сказки
мне везло и везло.

…Было всякое с нами:
горько, грустно, смешно.
Стало синими снами,
что умчалось давно.

Пусть бывают потери-
жизнь всегда хороша.
Как же хочется верить,
что бессмертна душа.

Памяти поэта Евгения Шлионского

Этот меч занесен над всеми,
неизбежностью мстит своей.
Наступило грустное время —
я теряю лучших друзей.

В нас летят не шальные пули,
а болезни сражают теперь.
Мы за сорок едва шагнули,
как попали в объятья потерь.

Поднимаю горькую чашу
в память мёртвых по кругу живых.
До свиданья! До встречи, Саша!
До свиданья, Володя Белых!

Вышло так: я вас первый бросил,
бросил смерти, а сам живу…
Выхожу я сегодня в осень
и в ладони ловлю листву.

Снова прошлое я увидел,
жизнь прожитая вдвое ценней.
Нанесённые мной обиды
бумерангом вернулись ко мне.

Стала пухом земля вам.
Спите.
Я могилы друзей ищу.
И шепчу я: «Меня простите…»
И шепчу я: «Себя не прощу…»

«Что-то снятся кошмарные сны…»

Что-то снятся кошмарные сны…
Разве время свой путь подытожить?
Ощущение прошлой вины
с каждым днём всё сильнее тревожит.

Предал женщину я, разлюбил…
Далеко это в юности было.
Я об этом давно позабыл,
а сегодня нахлынуло, всплыло.

Встрепенулась сегодня душа
и заныла забытая рана.
И как будто живёшь не спеша,
заблудившись в сетях обмана.

Что за глупости – чувство вины?
Надо жить, как ни в чем не бывало.
…Снятся, снятся кошмарные сны.
Ночь. Срываю с себя одеяло…

«А мне казалось: я бессмертен!»

А мне казалось: я бессмертен!
Вот так и буду жить и жить.
И дням бесчисленным на смену
другие станут приходить.

Мы только в детстве вечно живы,
но подрастаем и тогда
вдруг понимаем, что транжирим
невозвратимые года.

И вот однажды среди ночи
проснусь и захлебнусь тоской:
о как пронзительно короче
стал срок, отпущенный судьбой!

И я пойму, что всё уходит,
что есть последняя весна.
И растранжиренные годы
мне отомстят за всё сполна.

Ссора

I

Небрежно прошлое откину…
И вдруг в отместку, как щенок,
предательски мне тявкнет в спину
английский чопорный замок.

И в довершенье всех сомнений,
чтоб осознал свою беду,
как пулемёт «Максим», ступени
меня облают на ходу.

2

И, на каком —
неясно —
повороте,
когда прорвёшь
разлук кольцо,
тебя догонит
непременно кто-то,
чтоб прошлое
швырнуть
в лицо.

«Я опять в этот город приехал…»

Я опять в этот город приехал,
не уйти от него – от судьбы!
Только крикну – и юности эхо,
вспоминаю здесь всё, что забыл.

Безразлично троллейбусы мчатся,
стал мне город получужой.
Ничего не осталось от счастья,
только грустная радость со мной.

«Ах, вино взбодрило кровь…»

Ах, вино взбодрило кровь,
так себе, немного.
Позади у нас любовь,
впереди – дорога.

Станем снова я и ты
молоды, как прежде.
Позади у нас мечты,
впереди – надежды.

Ах, какой у жизни бег,
годы пролетели.
Позади – растаял снег,
впереди – метели.

И над нами облака,
хочется лететь к ним.
Позади у нас – века,
впереди – столетья.

Ах, вино… на сердце грусть,
из бокала – брызги!
Позади – далекий путь,
впереди – неблизкий.

«Опостылело чувство стадности…»

Опостылело чувство стадности,
и общаться ни с кем не хочется.
Запоздалое чувство радости-
одиночество, одиночество.

Ресторанные пляски шаманские
и наивная страсть к пророчествам…
Юность – это брызги шампанского!
Старость – мудрое одиночество…

«Ни любви, ни богатства, ни славы…»

Ни тоски, ни любви, ни обиды…
Александр Блок

Ни любви, ни богатства, ни славы
ничего не хочу я теперь.
Неужели под шелест дубравы
приоткрыл я последнюю дверь?

Отзвенела и радость свиданий,
грустно канула в шёпот листвы…
Только бледная тень от желаний,
только боль от погасшей любви.

«В эту ночь играла скрипка…»

В эту ночь играла скрипка,
грусть пытаясь превозмочь.
Было сумрачно и скрытно
в этом мире в эту ночь.

За окошком на просторе
пел смычок. Играл скрипач
что-то светлое, простое,
но похожее на плач.

И хотелось ночку эту
мне запомнить наизусть.
Только знал я, что с рассветом
канут музыка и грусть.

«И закружилось, завертелось…»

И закружилось, завертелось,
и понеслось, и понесло.
Совсем иначе, чем хотелось,
всё получалось, как назло.

Как будто я лишен мгновенья
того счастливого, когда —
такое в жизни просветленье,
что кажется – на все года!

«Год активного солнца —…»

Год активного солнца —
все больницы полны.
А больничные сосны
необычно грустны.

Старичок пожелтевший
на постели затих.
Словно лист, залетел он
к нам, живущим, на миг.

Синева небосвода
потускнела без птиц.
Ты зачем так, природа?
Ты за что же нам мстишь?

Смерть, старуха усердна,
хочет в сети завлечь.
В век активного сердца
трудно сердце сберечь.

«Что же шепчут нам метели?»

Что же шепчут нам метели?
Позабытые ноэли,
или то, что постарели,
всё в мечтах о пастореле,
мы с тобою в самом деле?
Помнишь, как зимою ели
шелестели, шелестели —
что-то светлое нам пели?
Мы с тобою ошалели —
Снег в лесу лукаво ели.
Годы быстро пролетели,
нам казалось еле-еле
мы ползём к заветной цели.
Оглянуться не успели,
в наши волосы метели
те, из юности метели
моментально залетели…
Неужели?

«В больнице тишины…»

В больнице тишины
и ночью не бывает.
Отшвыривают сны
то крик, то боль сквозная.

Сосед в бреду: «Держись!
Ещё не так нас било».
Но коль пришли мы в жизнь,
То всё же счастье было.

Пускай нелепа смерть,
бессмысленно нелепа.
Открыто ей смотреть
в глаза, как ввысь на небо.

Больничная луна,
больничная палата.
…А смерть не так страшна,
как в юности когда-то.

«За рассветами —…»

За рассветами —
закаты.
За поэтами —
солдаты.
За закатами —
рассветы.
За солдатами —
поэты.
Вечны на земле
рассветы,
вечны на земле
закаты,
вечны на земле поэты.
А солдаты?..
А солдаты…

«Не дорос я до войны —…»

Не дорос я до войны —
под столом ходил пешком.
Но слегка опалены
мои волосы огнём.

Не вступал с врагами в бой,
был от смерти в трёх шагах.
Только бомб смертельный вой
до сих пор стоит в ушах.

До сих пор приходят в сны
автомат, солдат, фугас…
До сих пор волна войны
с головой накрыла нас.

До сих пор и боль, и грусть,
радость смешана с тоской.
А страдающая Русь,
словно нищая с клюкой.

«В эту зиму очень много…»

В эту зиму очень много,
много снега намело.
С небом сходится дорога,
всё бело, белым-бело.

Запорошены деревья,
снег и снег со всех сторон.
Я сейчас живу в деревне,
словно вижу белый сон.

Вдруг безмолвье нарушает:
«Н-но!!! Живей бери разгон!».
Сани… Лошадь… Долетает
снег из пушкинских времён.

«Хочу я перед дальнею дорогой…»

Хочу я перед дальнею дорогой
лишь об одном тебя просить:
забудь, что было! Прошлое не трогай!
Не стоит память ворошить.

Не стоит ворожить на тех обрывках,
что вдруг предстанут пред тобой.
Забудь печаль, надежды и улыбки —
что было некогда судьбой.

Всё вычеркни из жизни.
И внезапно
ударит обретений свет.
…Лови с надеждой призрачное завтра:
в нём нет меня —
в нём боли нет.

«Доволен я своей судьбою…»

Доволен я своей судьбою,
необходимое дано:
есть хлеб, есть изредка вино,
и небо есть над головою.

А что ещё мне в жизни надо,
чтоб быть счастливым на века?
…Меня касается твоя рука,
как в знойный день
зелёная прохлада.

«Ещё день один буднично прожит…»

Ещё день один буднично прожит
и в ночной растворился тиши.
Где-то, где-то осталось там в прошлом
время глупостей, боли и лжи.

Мы с тобою сегодня другие…
За обиды, ошибки – прости!
Лгут друг другу пускай молодые:
у них жизнь ещё вся впереди.

«Был горный воздух юн, целебен…»

Был горный воздух юн, целебен,
извечной синевой слепя,
Под горный шум, под горный лепет
счастливо ощущать себя.

И ощущать руки движенье
чужой,
плывущей вдалеке.
От одиночества спасенье —
стремиться к тающей руке.

Найти, догнать её, настигнуть
и удивиться —
цель близка.
И всё стремительное стихнет,
спокойней станут облака

и проплывут, качаясь, мимо…
Над всей землёй неясный свет.
Ах, как становится всё зримо
на склоне гор,
на склоне лет.

«Предел возможностей, желаний…»

Предел возможностей, желаний…
Судьбы подвох или пробел?
Я в юности забыто – ранней
пределам верить не хотел.

Я думал кстати и некстати,
что вечен мир.
Он – без конца!
…За всё, за всё мы в жизни платим.
…А годы капают с лица.

«В электричке – в сплошной кутерьме…»

В электричке – в сплошной кутерьме
полупьяный мужчина поёт.
Только строчка запомнилась мне:
«Я еще наверстаю своё».

Пролетает верста за верстой,
так и годы летят в забытьё.
Что же ты замолчал? Что ты? Спой:
«Я еще наверстаю своё».

Всё нам кажется – сможем успеть,
что судьбою оплатится счёт.
Впереди и любовь, и успех:
«Наверстаю своё я ещё…»

Молча строчку пишу на стекле,
остаётся извилистый след.
Ничего нет на свете теплей,
чем надежды немеркнущий свет.

В электричке мужчина поёт
и выводит мотив не спеша.
…Я ещё наверстаю своё,
не грусти, не тревожься, душа.

«Мне снится альма-матер – ВГУ…»

Мне снится альма-матер – ВГУ,
примерным я студентом не был, каюсь.
Но радостный, счастливый на бегу
учусь, экзамены сдаю, влюбляюсь.

Нам прошлое потом предъявит счёт
безжалостно, что грусть берёт поныне.
Я и во сне никак не сдам зачёт
по трижды мучавшей меня латыни.

Не всё, как надо, я тогда постиг,
врывались в жизнь различные моменты.
Но благодарен я судьбе за миг,
за миг, в котором нищим был студентом.

И, повзрослевший, понял я теперь:
в полуголодной юности, раздетой
мы сыто, мудро жили, без потерь,
и лишь тогда, тогда я был поэтом.

О ВГУ! Для нас священ твой сан.
В твоих стенах наш дух ещё витает.
…И полусумасшедший Исаянц
ещё взахлёб свои стихи читает.

«Декабрь лютует!»

Декабрь лютует!
Лютует!
И снег под ногами хрустит —
как будто зима салютует,
как будто бы осень грустит.

И в этих морозах суровых
понять и увидеть должны:
глаза – неизбежность сугробов,
душа – неизбежность весны.

Белый танец

Белый танец, танец белый,
парень с девушкой кружит.
И стою я оробело,
и никто не пригласит.

Некрасивый и ушастый,
я один стою в толпе.
Танцевать хочу ужасно,
и мне так не по себе.

Белый танец, танец белый…
Это, кажется всерьёз.
Потому и оробел я,
и обидно мне до слёз,

что никто не приглашает,
я растерянный такой…
Рядом счастье проплывает,
насмехаясь надо мной.

Снегом времени заносит
жизнь, те юные года.
Но сидит во мне занозой
белый танец навсегда.

Лошади

...Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.
Вот и всё. А всё-таки мне жаль их,
Рыжих, не увидевших земли.
Борис Слуцкий

А всё же лошади те выжили…
Когда тонули корабли,
до берега добрались рыжие,
стряхнули воду – и пошли!
Они пошли бродить по свету,
пошли разгуливать печаль.
Мне кажется, свистит не ветер, —
а лошади – галопом – по ночам.
Они бегут от глупой смерти,
от океанской злой воды,
как убегает грусть от смеха,
как всё живое от беды.
Я их за городом встречаю,
пасутся мирно на лугу,
и, грустно головы склоняя,
о прошлом память берегут.
И поднимают к небу морды,
ведь небо – океан – родня…
Я лошадей не видел мёртвых,
они бессмертны для меня.

«Года, минутами шурша…»

Года, минутами шурша,
блуждают где-то в мирозданье,
где бродят первые свиданья
и в сны приходят не спеша.

И в этой лунной тишине
звезда щеки моей касалась.
А мне, наивному, казалось:
ты возвращаешься ко мне.

«Я постарел на три разлуки…»

Я постарел на три разлуки,
я опоздал на сотню встреч.
Как новой избежать разрухи?
Как мне прошедшим пренебречь?

Оно – мой камень преткновенья,
не обойти, как ни крутись.
И будущее – не спасенье!
От прошлого в нём не спастись.

За мною будут вечно следом
лететь из юности мечты,
наивные полупобеды
и недолюбленная ты.

Как бились в крике эти руки,
я что-то всё сказать хотел…
…Я постарел на три разлуки
и на печаль я повзрослел.

«Осенние ветры подули…»

Осенние ветры подули
и юность умчали мою.
Мечты и надежды уснули
в далёком тщеславном краю.

Всё проще, иначе с годами,
и трепет душевный угас.
Легко распрощавшись с мечтами,
о них я жалею сейчас.

И в жалости этой нелепой
тень юности бродит порой.
Но есть надо мной ещё небо,
и солнце ещё надо мной.

«Мы все у времени в долгу…»

Мы все у времени в долгу:
мы не ценили, что имелось.
Небрежно, как-то на бегу
швыряли дни, как будто мелочь.

Что было – не вернет никто,
душа замрёт не раз тревожно.
Давно ушедших дней итог
переиначить невозможно.

Пусть не закончился полёт
под всплеск рассветов и закатов.
Мы упустили время… вот
настиг нежданно час расплаты.

«Снег юности кружился надо мной…»

Снег юности кружился надо мной
весёлый, словно детский стих.
Взахлёб ловили мы его с тобой…
снег зрелости меня настиг

И одарил навечно сединой,
забыв, что был и я огнём.
Снег старости летает надо мной —
снежинки юности я вижу в нём.

«Мальчик примеряет шляпу отца…»

Мальчик примеряет шляпу отца.
Девочка – банты.
Девушка – платье.
Женщина – серьги.
А сирота
примеряет на всех прохожих
роль своих родителей:
мать и отца.

«Ещё на правой обручальное кольцо…»

Ещё на правой обручальное кольцо,
ещё надеждой светится лицо,
ещё живут дни давние удач,
ещё лишь только вздох, ещё не плач,
ещё приходят мысли по ночам:
ещё всё встанет по своим местам,
ещё он образумится, поймёт,
ещё останется, прощенный, не уйдёт.

Уже на левой обручальное кольцо,
уже печально постаревшее лицо,
уже наедине не вздох, а плач,
уже висит на стенке только плащ,
уже такие мысли по ночам:
уже всё поздно. Снова не начать.
Уже закрыта дверь. Навечно. Не войдёт.
Уже – одна! Осенний ветер листья рвёт.

Истина

Были дни: печали и радости,
и любили друг друга неистово.
Были годы такие разные,
и сквозь них продиралась истина.

Ни изъяна в ней и ни трещины,
но парит, как лукавое облако:
бродит счастье в облике женщины
и несчастье всё в том же облике.

«Я больше сюда ни за что не вернусь…»

Я больше сюда ни за что не вернусь.
Мечты, как всегда, обманули.
Пускай меня ранит безжалостно грусть
с упрямой настырностью пули.

Как мог я легко, безнадежно пропасть
под шёпот ресниц и под шорох.
Теперь никогда, приоткрыв свою пасть,
меня не проглотит твой город.

Теперь нипочём, ни за что, никогда
не стану я пленником встречи.
Я общие наши с тобою года
швырнул в ненасытную вечность.

Лодка

Я по году жду погоду,
но Находка – не находка.
Ночью рвётся на свободу,
у причала плача лодка.

На цепи скулит железной,
жадно грезит о просторе,
чтоб спасательным жилетом
обхватило лодку море.

Чтоб нестись навстречу водам,
позабыв навек про путы.
Кто мечтает о свободе,
тот не ищет ветр попутный.

«Капли времени – секунды…»

Капли времени – секунды
мельтешат отчаянно.
По лицу секут нас,
мы не замечаем.

Вглядываясь в Млечный,
ощущаешь вечером,
что горят не вечно
звезды эти вечные,

что свистят прощально
веткою секущей
в тишине печальной
капельки – секунды!

«Идут по жизни Квазимодо…»

Идут по жизни Квазимодо
с глухою смертною тоской.
Есть в мире вечные уроды,
есть в мире вечный непокой.

И очень трудно примириться,
хоть эта истина проста…
И квазимодам прямо в лица
чужая хлещет красота.

«О, как же мечтал он смыться…»

О, как же мечтал он смыться
из дома: от тряпок, детей…
Он – пасынок здравого смысла,
стал сыном безумных затей.

А жизнь его била и била,
он ад испытал и потоп.
И если вначале щадила,
то мстила вдогонку – потом.

Вернулся домой он усталым.
О сколько промотано дней!
По свету судьба расплескала,
и тряпки, и дом, и детей.

В житейской сплошной круговерти
мстит позднее чувство вины.
А грустные мысли о смерти
с годами не так уж грустны.

«В январе во всю морозы…»

Нине

В январе во всю морозы,
мы опять в плену стихий.
Ухожу я в дебри прозы,
забываю про стихи.

Словно окна забиваю,
словно с прошлым расстаюсь.
Забываю, забываю,
лишь тебя забыть боюсь.

На душе слегка тревожно,
грусть, как изморозь, светла.
И снежинка осторожно
на лицо твоё легла.

И мороза паутинки,
словно сети января.
В этой жизни мы снежинки.
чур, растаю первым я.

«Благодарю…»

Благодарю,
что я тебе себя дарю,
что вместе встретили с тобою мы зарю.
Мы встретили зарю не в мести!
Мы встретили с тобою вместе.

Благодарю
за прожитые дни.
Не всё удачно было-
не вини!
Не всё так было, как хотелось.
Быть может, задержалась зрелость.

Быть может, молодость дерзила,
но то, что было, —
было, было…
Благодарю
за первый общий снег,
за миг, за час, за день, за год, за век.

«…И в плен лукавыми глазами взят я…»

…И в плен лукавыми глазами взят я,
я не могу сегодня не любить.
Росистым утром розы срезать рад я,
чтоб радость красоты тебе дарить.

Любви мгновенья вечности дороже,
но чтобы мне счастливым быть,
я должен знать всегда: и ты не можешь
меня сегодня не любить.

«Какой счастливый год —…»

Какой счастливый год —
один из многих лет.
Я думал: никого
меня счастливей нет.

А помнишь ты леса,
где облака близки,
где ярки небеса,
где синий плеск реки?

Встречались мы с тобой —
какой счастливый год!
Не знал я: счастье – боль,
которая придёт.

«Огни новогодние тают…»

Огни новогодние тают,
и ёлки о лесе грустят.
А наши вчерашние тайны
прощаться никак не хотят.

Мечты, словно вольные птицы,
уносятся в звёздную высь.
И пусть никогда им не сбыться,
я рад, что они родились.

И в ночь поздравлений отрадно
коснуться пленительных плеч.
Мне нового счастья не надо,
мне прежнее надо сберечь.

«Настырные всплески сирени…»

Настырные всплески сирени
ломились нахально в окно,
когда погибал от сомнений…
но только тебе всё равно.

Из сердца, как будто из дома,
ушла навсегда… Решено!
Смеялась сирень долго-долго,
но было мне всё всё равно.

На улице, в шуме и гаме,
случайною этой весной
мы встретились… только глазами.
И мне, и тебе всё равно.

«Исконно русские стихи-…»

Исконно русские стихи-
исконно русские грехи.
Царю молиться,
Богу,
в поклонах биться.
И радости, и боли-
молиться!
И руки вновь заламывать,
и уходить в монахи.
Пытались зря замалчивать
стихи монархи.
С убийственностью страстной
решётками крестили.
Есть грех!
Грех самый страшный:
сама
себя
сечёт
Россия!
Касаться лбами пола,
упасть в грехах на снег.
Но крик догонит подлый:
– А бога нет!
Страна позоров диких,
кровавый след…
И снова крики, крики:
– А Бога нет!
……..
России нет!

«После обеда…»

После обеда
я вышел на балкон
и увидел, как резвятся,
весело прыгая,
две собаки.
Играя и повизгивая,
они утверждали
виляниeм хвостов,
что жизнь,
даже если она собачья-
прекрасная штука.
И я этим псам весёлым
бросил кости,
оставшиеся от обеда.
Но оказалось,
что вместо костей
я им бросил
яблоко раздора.
Веселье сменилось
злостью,
а лай собак
стал походить
на самый отборнейший мат.
И когда
они были готовы
вцепиться друг другу в глотку,
я подумал,
глядя на них с высоты,
что жизнь-
всё же мерзкая штука.

«Бьются волны дни и ночью…»

Бьются волны дни и ночью
в популярный берег Сочи.

Может, морю ночью снится,
что тесны его границы.

Потому, не умолкая,
бьёт волна, за ней другая.

Думает с надеждой море:
«Всё фальшивое я смою».

Есть желание простое-
постижение простора.

Неизбежно волны стихнут,
а простор всё не постигнут…

«O tempora, o mores!»

O tempora, o mores!
А море – вечно море!
Какая глубина!
К нему съезжаться вправе
в любые времена
любые нравы.
На море всё меняется,
оно и нас меняет.
И всё объединяется,
и всех объединяет.
Оно – одно великое!
И носимся по берегу
мы с маленькими криками
и с малыми победами.
Поняв его величье,
/коль мы понять сумеем/,
становимся мы чище,
становимся сильнее.
……..
И все печали волны смоют,
под жёлтый шелест сентября.
Мы, как в себя, уходим в море,
чтоб снова выплеснуть себя.

«Мне дождь приятнее, чем ты…»

Мне дождь приятнее, чем ты.
Он не грубит, ласкает нежно.
И в нём размытые мечты
не издеваются потешно.

Ах, жизнь, сложна ты и смешна…
Когда-то близкий стал далёким.
Не защитит дождя стена
от ядовитого упрёка.

Любовь… Всё это глупость, дым,
издержки юности фривольной.
И оттого, что нелюбим,
я ветром стал беспутным, вольным.

«На излёте последней надежды…»

На излёте последней надежды,
на излёте последней мечты
я такой же влюбленный, как прежде,
в эту жизнь, в этот лес и цветы.

Я такой же наивный и глупый,
верю в чушь – существует любовь.
Но твои ненадежные губы
будут нежно обманывать вновь.

И сквозь ложь, что живёт, не старея,
буду помнить, вини – не вини,
как аллея, в закате алея,
нам дарила счастливые дни.

О далёкие близкие встречи!
Не могли мы тогда разуметь:
даже вечность нисколько не вечна,
но об этом не стоит жалеть.

«Не надо, не плачь. Ведь над нами…»

Не надо, не плачь. Ведь над нами,
смотри стороною прошли
все тучи, которые снами
когда-то казаться могли.

Нам жизнь никогда не наскучит.
И мы веселее глядим
вослед уплывающим тучам
и верим, что всё впереди.

Что будет? Я знать не желаю!
Что было? Я знать не хочу!
Счастливо сейчас припадаю
во имя мгновенья – к плечу!

«Ночь —…»

Ночь —
стекло увеличительное:
растут, умножаются
неудачи,
страхи,
печали,
чужие победы,
свои поражения.

И только ведро
холодного утра,
опрокинутое на голову,
расставит всё
по своим местам.

«Горите мои тетради…»

Горите мои тетради…
Пламя щекочет ладонь.
Не честолюбия ради
я разжигаю огонь.

Словно сухие поленья,
потрескивают листы —
юношеские откровенья,
возвышенные мечты.

Смотрю на огонь с тревогой…
Чего я от жизни жду?
Я знаю, что я не Гоголь,
но рукопись тоже жгу.

«Опять идут дожди косые…»

Опять идут дожди косые,
а на душе – сплошь радиация.
Бог есть… Но только не в России.
Бог, к сожаленью, в эмиграции.

«Тридцать три… пора распять…»

Тридцать три… пора распять.
И не раз, раз пять.

А за что? За что найдут.
Находить – весёлый труд.

Так за что? Что за вопрос!
Там иуда, где Христос.

Предавать не надоест,
лишь бы были гвозди, крест.

«Воспоминаний суета…»

Воспоминаний суета
меня никак не отпускает,
упорно ночью зазывает
в почти забытые места.

И я мечусь, кричу во сне:
«Как тяжело сегодня в прошлом…»
Зачем тот путь, который прожит
тревожит душу снова мне.

Утраты не испить до дна…
Однажды в яростном порыве,
догонит, чтоб не быть счастливым,
чуть запоздавшая вина.

Я, ты, они…

Человек рождается…
В человеке рождается «Я»,
невыносимо огромного размера.
Я хочу! Я требую!
Мне, для меня, моя…
Человек подрастает, происходит замена
огромного «Я»
на самое среднее «Я»,
среднее «Я» не закрывает
полностью мир,
окружающим глаза
не сильно режет
и всё чаще, всё чаще
слышится «МЫ»,
а «Я» уже с каждым днём
слышится реже.
Мы хотим! Мы решили!
Это не блажь моя.
Это наше решение.
И мы ответим!
Человек стареет,
и его бывшее «Я»
огромное, становится
еле заметным.
Самые мудрые в жизни-
прошлые дни,
те, что прожиты
счастливо или серо.
Человек уже говорит не «Я» —
Они!
Но «Я» всё равно бьётся до смерти,
как сердце!

«Догорает осень…»

Догорает осень…
На душе печально.
Лишь воспоминанья
радость берегут.
Не кружатся листья
в воздухе прощально,
листья рыжие
заснули на снегу.
Снег! Он только выпал,
он еще не грязный,
кутает старушка
голову шарфом.
Первый снег —
для осени начало казни,
нехотя идет
она на эшафот.

«Не хочу…»

Не хочу,
чтоб жизнь шептала:
– Вот бумага
и рисуй…
Я хочу,
чтоб жизнь кричала,
надрываясь,
мне:
– Рискуй!

Исхожу все горы, чащи,
изобью ботинки вдрызг.
Надоело верить в счастье.
К чёрту счастье!
Верю в риск!

«Таинственны книги и ценны…»

Таинственны книги и ценны…
Я гладил рукой переплёт,
читая взахлёб Марка Твена.
…Теперь не читаю взахлёб.

Я сдержанней стал и мудрее,
понятнее жизненный путь.
Теперь всё трудней и труднее
меня удивить чем-нибудь.

Беснуется солнце в зените,
на свете тепло и светло.
А время счастливых открытий,
как детство, куда-то ушло.

«Что в этой жизни остаётся?»

Что в этой жизни остаётся?
Всё меркантильность, суета…
И лишь порою жалко бьётся,
в капкан попавшая мечта.

А если вырвется на волю,
считай, что просто повезло.
Что остаётся кроме боли?
Любовь, надежда, ремесло…

Но так расплывчато и зыбко
уставшая маячит цель.
…А на ветру скулит калитка,
как пёс, посаженный на цепь.

«Вот сейчас опустят гроб…»

Вот сейчас опустят гроб
в яму страшную, сырую.
И, как все, холодный лоб
осторожно я целую.

Где теперь твоя душа?
Затерялась в мирозданье?
Смотрит, сверху не дыша,
позабыв свои страданья.

Слёзы, боль, зажав в горсти,
я прощаюсь – и не плачу!
Но, увы, моё «прости»
ничего уже не значит.

«На зеленой тихой станции…»

На зеленой тихой станции,
где горят едва огни,
мы с тобой одни останемся,
мы останемся одни.

Вдалеке от шума города,
многочисленных друзей
будут нам дурманить головы
запах сосен, плеск ветвей.

Жизнь лесная! Жизнь прекрасная!
Но прекрасная пока
не забьётся в нас не ясная,
но знакомая тоска.

И поймём, что очень горестно,
невозможно, хоть убей:
нам – без шума и без города,
нам – без спора, без друзей.

«Над сыном мать проводит ночи…»

Над сыном мать проводит ночи.
Больной, мятущийся в жару,
всё время шепчет ей сыночек:
«Скажи мне, мама, я умру?»

Поспешно слезы вытирая,
не понимая – правда, ложь,
но мать в ответ: «Я знаю! Знаю!
Ты не умрёшь! Ты не умрёшь!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.